

ЗВЕЗДА

1998 5

В НОМЕРЕ И. БРОДСКИЙ, С. ДОВЛАТОВ

- Евгений Рейн
Стихи.
- Валерий Попов
Пропадать, так с музой. Рассказ.
- Соломон Волков
Разговоры с Иосифом Бродским.
- Кейс Верхейл
Вилла Бермонд. Роман. С голландского.

МЕМОУАРЫ XX ВЕКА

И. В. ЖИВОПИСЦЕВА

ЖИВЫЕ КАРТИНЫ

(Из воспоминаний о Гале, о Булате и о себе)

*Своей сестре Галине Васильевне
Смоляниновой (Окуджава) посвящаю*

Жизнь подходит к концу. Все ушло: молодость, счастье, радости жизни, надежды... Осталось только одно желание — рассказать о том, что было: многие воспоминания стоят, как живые картины, требуя продолжения в жизни детей, внуков, правнуков. Нельзя забывать того, что пережили предыдущие поколения. Понимаю это с особой остротой именно сейчас, когда ушли из жизни те, дорогие и близкие, кто мог бы ответить на многие вопросы.

Нет деда, Игната Михайловича Рындина, который встретил 1917 год купцом II гильдии, а стал старьевщиком, продававшим на базаре обновленные им вещи. Нет отца — Василия Харитоновича Смолянинова — одного из первых комсомольцев г. Воронежа, коммуниста, свято верившего в справедливость советской власти, прошедшего Отечественную войну и разочаровавшегося к концу жизни в этой «справедливости». Зять и тесть — непримиримые идейные враги и уважающие друг друга люди. Я не помню, чтобы они спорили и тем более ссорились. То, что у них было на душе, ушло вместе с ними.

Трагедия двух поколений. Мы, третье, с такой же судьбой. Они ушли, не рассказав нам, своим детям, правды, потому что это было не безопасно (всюду были «всеслышащие уши»), а мы не очень интересовались их правдой. Жили своей жизнью. Надеюсь искупить этот грех своими рассказами о том, что помню.

Начну с главного, что прошло через мою жизнь, к сожалению, заставив задуматься над многим позднее самих событий.

Булат Шалвович Окуджава. Булат Окуджава. Булат. Мы познакомились в Тбилиси в 1946 году.

Мой отец, воевавший в Грузинской дивизии в составе Приморской армии, в конце 45-го года был переведен вместе с воинской частью из Крыма в столицу Грузии. По дороге весь воинский эшелон пел:

Артиллеристы, Сталин дал приказ,
Артиллеристы, мы едем на Кавказ...

Настрой у всех был соответствующий: конец войне, домой, к семьям. А мы ехали в неведомый и прекрасный мир, о котором не уставали рассказывать сослуживцы отца.

Новый год мы встречали в Гори, где горы растут, как огромные пирамидальные ели, прямо в городе. Побывали в домике Сталина, попробовали впервые чады, пресные кукурузные лепешки, с острым вкусным сыром сулгуни. Сочетание необыкновенное! Все вокруг было необыкновенное: и люди, и природа.

Ирина Васильевна Живописцева — педагог, автор книги «Последняя любовь» (1997). Живет в С.-Петербурге.

© И. В. Живописцева, 1998

Через несколько дней эшелон отправили в Тбилиси. Все мы — сестра, я, брат — с восторгом и радостью, несмотря на многие трудности (жили мы в помещении гауптвахты танковой бригады, было холодно и голодно), знакомились с городом, который грузины любовно называют «маленьким Парижем». Красота Тбилиси ни с чем не сравнима — высокие живописные горы, бурная, мутная Кура, старые кварталы города, прилепившиеся к склонам, дома с галереями и винтовыми лестницами, дворы, где сушатся выстиранные ковры и волнами лежит на подстилках вымытая и взбитая овечья шерсть. Ни с чем не сравнимый Майдан с его серными банями. Ишачий мостик с подъемом на Авлабар и Метехский замок, венчающий отвесный обрыв над Курой.

Романтика наших молодых душ сливалась с романтикой старого города.

Но приходилось думать и о делах повседневных. Нужно было определиться с учебой. В Крыму я училась полгода в пединституте. Сестра — в медицинском, брат — в школе. У меня и у брата все сложилось сразу. Я поступила в Тбилисский университет на филфак, брат — в школу. У сестры получилось сложнее: в медицинском институте не согласились принять экзамены за первый семестр, так как не было зачетов по практическим занятиям, и предложили через полгода начать с первого курса. На семейном совете было решено не терять времени, и она тоже подала заявление в университет. Это ли не судьба? Вместе с ней мы готовились в университетской библиотеке и сдали зачеты и экзамены за первый семестр.

После зимних каникул мы вместе явились в одиннадцатую группу русского отделения филфака. С ребятами познакомилась быстро: Алешка Силин, Левка Софианиди, Шурка Цыбулевский, Булат Окуджава, Зоя Сотникова (староста), Димка Тухарели...

Я не помню первых впечатлений от знакомства с Булатом. В памяти сохранилась картина, как мы с сестрой спускаемся после занятий по широкой университетской лестнице, в окружении ребят, среди которых и Булат. Он был их лидером, как сказали бы сейчас. Их притягивала его любовь к литературе, музыке, знанию искусства, целеустремленность. Он уже был поэтом, хотя не печатался. В то время как мы корпели в публичке, готовясь к экзаменам, он читал Бодлера, Бернса, Сельвинского, Межирова, Тихонова.

Я прошел над Алазанью,
Над серебряной водой,
Над седою, как сказанье,
И, как песня, молодой.

Читал он нараспев, подчеркивая ритм и чередующиеся л-р, з-с, которые создают мелодию и образ бегущей воды.

Ему было почти 22 года (мне — 17, а сестре — 19 лет), он уже воевал (добровольцем ушел в 17 лет), лечился в госпитале. Это был худой, довольно высокий юноша с вьющимися волосами и большими карими, немного выпуклыми глазами под изломами густых бровей. Кончики губ изогнуты вверх, как бы в лукавой улыбке. Но взгляд не всегда соответствовал ей, скрывая что-то свое, потаенное. Смеялся он от души, до слез, наклоняясь и потирая нос, который был у него весьма своеобразной формы: в профиль прямой, а в фас — немного утолщенный.

Открытости, простодушия, что отличало нас с сестрой (плюс это или минус?), у него не было. Проявления фамильярности к нему со стороны друзей я тоже не помню. Как я теперь понимаю, внутренний мир его был богаче, глубже, разнообразнее, отношение к жизни более осознанное, зрелое. Все мы прошли через войну или война прошла через нас, но многие не задавались вопросами: почему война, почему голод, почему аресты, почему трудности? Нужно выдержатъ, нужно перетерпеть, потом все будет хорошо. Все держалось на вере (может быть, слепой).

Трагедия с отцом и матерью в детстве, война во всех ее жестоких проявлениях заставили Булата раньше других задуматься над многочисленными «почему?». Ответы на них были мучительны и страшны. И поделиться этим нельзя было ни с кем.

Запомнилось первое приглашение Булата к себе домой. Он жил с тетей Сильвой, сестрой матери, в двухэтажном доме на улице Грибоедова, идущей выше, по склону параллельно проспекту Руставели. Мы поднялись по крутому, мощенному булыжником подъему где-то в районе почтамта и повернули направо к желтому дому. На втором этаже с балконом была квартира Булата. Вернее, квартира его

отца и матери. Двухкомнатная, светлая, с блестящим паркетным полом. Из обстановки помню только пианино.

Булат много пел, аккомпанируя себе на пианино. Насмешила нас веселая песенка про Тирли и Дугу:

Однажды Тирли, Тирли, Тирли, Тирли
Напал на Дугу, Дугу, Дугу, Дугу,
И долго Тирли, Тирли,
И долго Дугу, Дугу
Долбали понемножечку друг друга.

Когда взошел на небо Тирли, Тирли,
Увидел дорогого друга Дуга:
— Я очень, Тирли, Тирли...
— Я очень, Дугу, Дугу...
И бросились в объятия друг другу.

Потом он исполнил неизвестную нам, несколько смелую песенку на слова Бернса о Джени.

В свою очередь мы с сестрой спели популярные в России песни Лидии Руслановой «Валенки» и «Извозчик».

Песни наши и пение понравились Булату, только он заметил, что мы меняем тональность, но к концу успешно выправляемся.

Ни сестра, ни я, ни брат не учились музыке и пению (война многому помешала), но любовь к музыке и танцам была в нашей семье необыкновенной. Мой отец в молодости учился играть по нотам на гитаре, мандолине и балалайке, превосходно играл по слуху. Мама была певунья и плясунья. По их рассказам, в годы их молодости компании девчат и ребят собирались на лугу и устраивали самые настоящие концерты. Парни играли по нотам серьезные классические вещи, а потом все пели, танцевали и плясали.

В нашем доме постоянно кто-нибудь напевал, и когда пела мама, а папа ей аккомпанировал и подпевал, то мы слушали и впитывали задушевность, распевность, красоту русских мелодий, а потом сами подхватывали их. Любили мы русские и украинские народные песни, городские романсы, революционные и современные песни. Еще до войны всех покорила грузинская мелодия «Сулико». И как только представилась возможность ближе познакомиться с грузинскими песнями, языком, мы с радостью этим воспользовались. Еще в Крыму мы разучивали «Сулико», «Цицинателу» на грузинском языке. Помогали нам знакомые офицеры. В Тбилиси это были уже «Сакартвело», «Мравалжамие», «Тбилисо» и другие песни. Грузинские мелодии завораживали, а исполнение покоряло. Мягкое многоголосие, а иногда, как всплеск хрустальной струи фонтана, высокий голос на этом бархатном фоне как нельзя лучше передавали сущность души народа, окружающей природы. Огневые танцы покоряли красотой, четкостью, мужеством. Это приятие всего нового, молодость, потребность общения, тяга к дружбе, любви сблизили, видимо, нас с Булатом.

Мы все были «дежурными по апрелю», атмосфера влюбленности окружала нас. Я тайно была влюблена в школьных друзей Булата: Зураба и Гурама, которые и не подозревали об этом, — и не заметила, что влюбленность Булата и Галки переросла в любовь.

Вспоминается, как однажды мы шли по Мухранскому спуску от Авлабара. Крутая дорога вниз к Мухранскому мосту открывала панораму на Куру: на домики, прилепившиеся по левой стороне на Майдане. Вечерело. Где-то вдалеке слышалась мелодия зурны, по-восточному затейливая и печальная. Ощущение легкости, полета слилось с щемящей тревогой, сладкой грустью. Возможно, это было предчувствие будущей жизни с ее трудностями и горем, радостью и счастьем...

Мои увлечения приходили и уходили, и мы втроем (я, сестра и Булат) часто гуляли по улицам Тбилиси, ходили в кино, на лекции, и они называли меня «третьей нужной» (и первая вышедшая книга, которую он мне прислал, так и была подписана «Третьей нужной»). Зачастую я им, конечно, мешала, но надо отдать должное Булату, он никогда не дал мне это почувствовать.

Джентльменские поступки не всегда давались легко: провожать нас приходилось далеко — от центра города через беспокойный район Авлабара. Однажды поздним вечером после кино мы поднимались по Мухранскому спуску. Вдруг на кольце увидели трамвай, по времени последний. Помчались что было сил, держась под руки. У меня подвернулась нога, но стгоряча боли не почувствовалось. Все были довольны, что успели на трамвай, особенно провожатые. Правда, распухшая лодыжка заставила меня несколько дней пролежать в постели.

Иногда и Булату по причине болезни тоже перепадал отдых от этих вояжей. Как-то незадолго до его дня рождения (9 мая) мы объедались орешками в сахаре, которые продавались в то время всюду на улицах города. Это было всем доступное лакомство. Но, к сожалению, у Булата от него вздулся флюс. На следующий день он не пришел на занятия, потому что поднялась температура. Мы с сестрой решили его провести в день рождения и долго ходили по магазинам в поисках подарка. Больших денег не было, а хотелось купить что-то оригинальное, со значением. Выбрали металлическую позолоченную ручку в виде гусиного пера. Завернули ее в бумажный кулечек, как засахаренные орешки, и пришли к имениннику. Он лежал в постели, замученный болью, с перевязанной щекой. Мы поздравили его и, жестокосердые, показали ему свой подарочный кулечек. Надо было видеть его глаза: в них была обида и горькое разочарование. К счастью, наш обман раскрылся, как только он взял подарок в руки. Булат смеялся вместе с нами. Он и сам любил подшутить, смугить каким-либо смелым вопросом.

В 1947 году Булат и Галка поженились, будучи на II курсе. Булат переехал к нам. Жили мы в это время на Каспийской улице, которая шла от улицы Шаумяна параллельно Черноморской. Сейчас она называется Каспской. Искажение первоначального названия можно объяснить, по-видимому, безграмотностью или националистическим уклоном какого-то чиновника, имеющего к этому отношению (в Грузии есть село Каспи).

В четырехэтажном доме у нас были две угловые комнаты в цокольном этаже, с двумя соседями, с ванной, постоянно наполненной про запас чистой водой из-за плохого водоснабжения, и маленькой кухонькой. Сейчас понимаешь, что значит в одной комнате вместе «молодые» и мой брат 14-ти лет. А в другой, проходной, папа, мама (после четырехлетней военной разлуки, соответственно, им 42 и 40 лет) и я, взрослая дочь. Тогда в этом не было ничего исключительного, бывало с жильем и похуже, но проблем у семейных пар было явно предостаточно.

Почему так решился жилищный вопрос, мне неизвестно. Знаю, что за год до знакомства Булата с сестрой тетя Сильва поменяла его отличную квартиру на большую комнату в доме напротив и уехала в Ереван. Булат жил один в этой мрачной полуподвальной комнате, загроможденной вещами тети Сильвы. Иногда мы приходили к нему, он что-то готовил на маленькой металлической сковородке без ручки в темной кухоньке-коридорчике, где было не разойтись двоим. Иногда я переодевалась в его домашнюю одежду и устраивала постирушку: мне это было удобнее, чем Галке. Потом (непосредственно перед женитьбой Булата) и эту комнату тетя Сильва то ли продала, то ли поменяла на Ереван и уехала совсем из Тбилиси. Булат, естественно, переехал к нам.

Таким образом, нас в семье стало шесть человек. Работник один — папа. Мы, как могли, помогали маме по дому. Удивительно, как им удавалось сводить концы с концами. Вскоре отец был назначен начальником политотдела строительной войсковой части, и ему дали отдельную квартиру на улице Бараташвили, возле центрального рынка. Это был прекрасный дом с арками и балконами. Но это были те же две комнаты, правда, светлые, большие, отдельные, с балконами и паркетными полами. Комната Галки и Булата выходила на Бараташвили. Кровать, самодельная тахта, полки с книгами и рабочий стол Булата — вот и вся обстановка. Я помню его за работой: за его спиной углом висели полки с книгами, на столе тоже книги, листы нелинованной бумаги, исписанные мелким округлым почерком, с поправками и зачеркнутыми строчками. В руке подаренная нами ручка. На столе порядок и чистота. Этот стол сделал его дед, он выделялся среди казенной мебели полировкой, резьбой, красивыми резными ножками. Булат им очень дорожил, и в Москве он работал тоже за ним. Мы занимались за обеденным столом в другой комнате, где помещались еще три кровати, шкаф и импровизированный туалетный столик с зеркалом, но чаще всего готовились в публичной библиотеке или в читальном зале университета.

С работой, учебой органично сочетались суматоха и веселье праздников. Булат готовил иногда несложные кавказские блюда: лобио с орехами и чесноком, печеные острые баклажаны («синенькие», как мы их называли) с чесноком и зеленью. Мама пекла традиционные пироги с разными начинками (Галка очень любила горячий пирог с маком), Галка колдовала над «наполеоном» с множеством хрустящих коржей, которые складывала на постель, чтобы ни один не сломался, и на которые однажды кто-то сел. Папа привозил откуда-то из деревни в маленьком бочоночке с ручкой грузинское сухое вино (мы все полюбили грузинские блюда и прекрасные сухие вина). Что еще нужно, чтобы весело встретить праздник? Конечно, музыка, песни. Пианино не было, но гитара, мандолина и

балалайка вполне заменяли этот инструмент. Булату, наверное, нет. Но вскоре он начал по слуху подбирать мелодии на гитаре (отец был его наставником), а потом стал аккомпанировать себе.

И когда папе присвоили звание полковника (он позвонил днем с работы), мы все вместе готовили поздравление к его возвращению домой. Брат написал стихи:

Рада мама, рада Ира,
Рады Галя и Булат,
Я, конечно, тоже рад.
Рады мы не без причин,
Есть у нас виновник.
Получил наш папа чин.
Он теперь полковник!

Булат сочинил такой текст:

Ой ты гой еси, Харитонов сын,
Не грозу на тебя навлекло.
Подтяни живот да расправь усы,*
Чтоб вино по усам не текло.

Не на травушку на измятую
В ночь июльскую стгоряча
Звезды падают,
Звезды падают
На твои молодые плеча.

Не на травушку на измятую,
Не пытаясь сдержать свою прыть,
Звезды падают,
Звезды падают,
Успевай эти звезды ловить.

Под аккомпанемент Булата на гитаре мы все славили Василия Харитоновича Смольянинова, нашего отца и тестя Булата. Многим, если не всем, мы обязаны ему. Жаль, что ни о чем нельзя его уже спросить, ничего нельзя узнать или уточнить. В то время я о многом не задумывалась, но отец был действительно добрым человеком: он согласился с выбором дочери, хотя за этим согласием стояло для него много испытаний, о которых он никогда не говорил. Он был политработником, Булат — сыном врага народа. Что передумал, переживал отец тогда? Перед кем объяснялся и держал ответ?

Он дал нам всем возможность получить высшее образование, хотя попытки бросить учебу у Булата были, и это можно понять: у него жена, он должен обеспечить семью. Но отец в этом вопросе был непреклонен (может, потому, что сам ушел из института, когда нас, детей, стало трое). Конечно, его огорчал недостаток усердия в учебе Галки и Булата, из-за чего они частенько лишались стипендии. Но у них была любовь. Была любовь Булата к стихам и отсутствие любви у Галки к своей будущей специальности.

Я же, пока свободная от сильных чувств, занималась усердно (в зачетке стояли только «пятерки») и снисходительно (младшая!) поглядывала, в душе сочувствуя, на своих родных сокурсников.

В связи с этим вспоминается курьезный случай. На I и II курсах в программу обучения входил грузинский язык. С самого начала занятий я с интересом и старанием принялась за грузинский. С особенностями произношения гортанных звуков грузинского языка нас с сестрой познакомили еще в Крыму; помню, как все смеялись над тем, как мы изо всех сил старались произнести фразу «бакаки цхалши кикинес» («лягушка квакает на болоте»). Здесь за полтора года мне удалось выучить алфавит, грамматические формы, научиться читать. Запас слов был, конечно, не велик, так как в университете в нашей группе все общались на русском языке, дома разговаривали, разумеется, тоже. Булат знал разговорный грузинский, но редко им пользовался.

Пришло время экзаменов. Преподаватель у нас был строгий, но с чувством юмора. Мне он поставил «5» за старание и усердие, как он выразился; а Булату — «3» и добавил: «Стыдно грузину не знать грузинского языка». Где же пре-

* Портретное сходство здесь отсутствует, это просто поэтический прием.

подавателю было знать, что Булат родился в Москве, учился в русской школе, потом с отцом и матерью переехал в Нижний Тагил, где в 1937 году его родители арестовали. Ему было тогда 13 лет. Он и его младший брат Виктор жили у сестер матери и отца.

Тетя Сильва, интересная, черноглазая и черноволосая армянка, казалась женщиной в годах. В Ереване у нее жили дети: дочь (старше Булата) и сын. Муж ее (второй, по-моему) был младше ее. Видела я ее несколько раз, пока она не уехала в Армению. Мне кажется, что она и мать Булата похожи друг на друга. Сходство можно было уловить по увеличенному портрету матери в молодости (Булат очень его берег). Овальное лицо, красивые брови вразлет, большие, немного грустные глаза с длинными пушистыми ресницами и пухлые нежные губы. Я часто тайком любовалась ее портретом и даже была в нее немного влюблена. В жизни я ее увидела гораздо позднее. Черты лица стали резкими, смуглая кожа обтягивала скулы, в глазах суровость, голос хрипловатый от курения.

Вторая сестра матери, младшая, Сирануш, Сиро, была необыкновенно красива: то же нежное женственное лицо, что и у Ашхен Степановны, только в светлых пастельных тонах, матовая белая кожа, голубые глаза и золотистые волосы.

Все они прекрасно знали русский язык, только иногда проскальзывал кавказский акцент, скорее манера говорить по-тбилиски (даже русские, живущие в Тбилиси, перенимают эту манеру говорить нараспев, усиливая безударные «а», внося своеобразную мелодику в устную речь). У Булата не было ни малейшего акцента, это был московский говор, и мы иногда попадали впросак со своим южнорусским произношением. Воронежская область на юге граничит с Ростовской областью и Украиной, там, как говорят, петух на три деревни поет, поэтому в языке смесь фрикативных, мягких согласных, аканье и яканье с украинизмами ощущалось как естественное явление. Поэтому бывали возможны такие парадоксы: «Присядь, чижи летять» («чижи» — ребята с Чижовки, окраинного приречного района Воронежа) или: «Шивайся отсюда» (уходи).

Из университетских огорчений и открытий мне запомнился следующий случай на лекции по языкознанию. Это было на I курсе. Галка заболела, и я, как бывало частенько, влетела в аудиторию со звонком. Все места на передних скамейках были заняты, я поднялась по ступенькам вверх (лекционный зал располагался амфитеатром) и села рядом с Булатом на последний ряд. А с ним, как я потом увидела, сидели все мальчишки из нашей группы. Прощай, благое намеренье записать лекцию. Мне подсунили листок для игры в балду, его передвигали поочередно к каждому, и нужно было дописать букву, не закончив слова. Видимо, получалось что-то смешное и нелепое. Мы тихонько хихикали и возились, думая, что никто этого не замечает. И вдруг наша преподавательница, сухая, строгая женщина, предложила мне покинуть аудиторию, так как меня, видимо, не интересует ее предмет. Вся пунцовая, я стала спускаться по нескончаемым ступенькам, опустив глаза, и готова была провалиться от стыда: такое со мной приключилось впервые. Но за моей спиной неожиданно встал Булат, за ним поднялись другие мальчишки и пошли вслед за мною. Я не видела этого. Такой торжественный исход из храма науки, видимо, потряс нашего преподавателя настолько, что она запомнила меня и на экзамене в зачетку поставила «5», сказав, что я не такая дерзкая, как ей казалось. Я была благодарна Булату и ребятам за их рыцарский поступок.

Все они живо проходят перед моими глазами.

Левка Софианиди — красивый грек, длинный, еще по-мальчишески угловатый, с немного шаркающей походкой.

Шурка Цыбулевский — еврей с буйно рыжей шевелюрой, с длинным, правильной формы носом, по-юношески нескладным лицом и хорошей фигурой.

Алешка Силин — с лицом хитрого русского мужичка, по выражению Булата, со светлыми глазами и усами щеточкой, невысокого роста. Когда он шел рядом с Левкой, это были настоящие Пат и Паташон. Он побывал на войне, как и Булат; покалеченную руку постоянно держал в кармане. Жил голодно и неприкаянно.

Что объединяло их с Булатом, трудно сказать, я не вникала в их дружбу. Вместе прогуливались по Головинскому, ходили в кино, поднимались на Мтацминду, с которой открывалась панорама Тбилиси, гуляли по парку наверху, издаля смотрели на недоступный для нас шикарный ресторан. Только один раз всей группой в знак протеста мы были там: отмечали окончание университета, потому что ректорат не организовал торжественного вручения дипломов для русского отделения факультета.

Были какие-то мальчишеские драки с «чужаками». Очень много говорили о литературе, о Маяковском, спорили о материализме, идеализме, о вещах «в себе»

нашей улице живет». Точнее, сошлись судьбы мальчика с Черноморской улицы и девочки с Каспийской.

История нашего знакомства интересна сама по себе, поэтому позволю себе такое отступление. Несколько дней спустя раздался звонок в дверь нашей квартиры и кто-то попросил позвать Клаву. Моя мать, Клавдия Игнатьевна, вышла и со смехом вернулась, сказав, что, по всей видимости, кто-то хочет видеть меня. Я вышла и увидела того самого молодого человека, на которого указал мне из машины Булат. Он улыбнулся и попросил меня несколько минут подождать. Объяснил, что выполняет просьбу своего приятеля, который хочет со мной познакомиться. Его смелость и дерзость были потрясающи. Его протезе задерживался. И тогда он, чтобы удержать меня, стал объясняться мне в любви вместо друга. Я со смехом спросила: «А не опасно ли это для тебя?» Интересно, как бы я восприняла его дерзость, если бы Булат не обратил мое внимание на него... Через год он уехал в Баку в Каспийское военно-морское училище, а через три мы поженились. Были и Каспийское, и Черное, и другие моря, где служил мой муж Алексей Николаевич Живописцев. Но это уже отдельная история.

Влияние Булата на нас тогда не осознавалось, но оно было сильным, хотя некоторые взгляды его и поступки казались спорными и неприемлемыми, а порой чужими. По всей видимости, для него в нашей семье тоже были сложности. Для общей разрядки мы летом разъезжались, если позволяли родительские средства и возможности.

Летом 1949 года Булат и Галка поехали в Москву к родственникам отца Булата, к тете Мане, с которой жил его младший брат Виктор. Я оставалась в Тбилиси, ждала Алексея, он должен был приехать в отпуск к отцу и матери. Страшно нервничала, страдала, потому что переписка наша прекратилась почти на полгода. Глядя на мои переживания, родители предложили мне поехать в Москву к Галке и Булату и побыть там недельки две: посмотреть Москву, отвлечься. Остановилась я у своей тети (сестры отца). В памяти сохранилась встреча с тетей Булата, некрасивой, с грубыми чертами лица, но добрым и приветливым характером, и братом Булата, Виктором, похожим на Булата, но только со светлыми глазами и русыми волнистыми волосами. Еще вспоминается из московских впечатлений забавный эпизод. Уставшие после многочасовой прогулки по Москве, запыленные, голодные, мы идем по раскаленной улице Горького. Хочется пить, хотя бы на минутку присесть. Но везде очереди, тьма народу. Хоть плачь. Проходим мимо ресторана, за окнами пустота и чистота. Булат останавливается и решительно открывает дверь, пропуская нас. Мы пытаемся возражать: вид ужасный, денег мало... Но он ведет нас в этот хрустальный, накрахмаленный, прохладный храм, усаживает и подзывает официанта. Тот нехотя отделяется от стойки, где стоят его сотоварищи. Булат заказывает две бутылки кефира и три булочки. Возмущенный до глубины души, официант приносит наш заказ, небрежно ставит на стол и присоединяется к стоящим у стойки. Слышен смех. Мы с сестрой прячем запыленные ноги в спортивных тапочках под стол. Булат закипает, но внешне спокоен. Я не помню ни вкуса кефира, ни вкуса булочек. Трапеза наша кончается быстро, и Булат просит официанта подойти к столику. Тот бросает: «Оставьте деньги на столе!» И тогда Булат громко, на весь зал, говорит: «А мне нужна сдача!» «Перекрахмаленный нахал» был вынужден подойти и рассчитаться.

Потом я слышала от Булата: «Меня хамством не возьмешь». Это действительно так, он всегда умел найти нужные слова, чтобы осадить зарвавшегося хама, поставить его на место.

У него не было комплексов, он внутренне был свободен от предрассудков, уверен в своем праве поступать так или иначе. Он ставил личное выше всего. Может, талант так и реализуется? К вершинам через тернии, но эти тернии больше всего терзают самых близких и дорогих людей.

В нашем же воспитании главным был отказ от всего личного во имя общего: людей, дела, семьи.

На следующее лето мы втроем поехали в дом отдыха в Кобулету на 12 дней по профсоюзным путевкам, которые «достал» отец. Денег нам дали только на дорогу и для подкрепления — на масло и фрукты. Рацион питания был скудный, но с добавкой терпимый — «птица поет, голодна и звонка». Песен и веселья действительно хватало: море, солнце, молодость толкали на выдумки и проказы. Как-то вечером мы решили устроить пляски вокруг костра на берегу моря. Натаскали огромную кучу сухих водорослей и сучьев. Поверх купальных костюмов опоясались пальмовыми листьями; такими же были и головные уборы. Мальчики вооружились бамбуковыми копьями. Уже в полной темноте разожгли кос-

тер. Яркое пламя, по рассказам более солидных зрителей, осветило фантастическую картину. Ритуальные танцы начались с молитвы, обращенной к богам, у костра склонились бронзовые фигуры неизвестного дикого племени. Затем все начали двигаться вокруг костра, вздевая сверху руки. Движения становились все быстрее, развевались набедренные повязки, раскачивались «перья» на головах, блики огня отражались от блестящих загоревших тел. Раздались звуки, имитирующие ритм бубна и тамтамов, полетели вверх копья, начались прыжки через угасающий костер. Вскоре все скрылось в темноте непроницаемой южной ночи. Скрылось, но не забылось. Домой мы вернулись черные, как головешки, голодные, как волки, худые, как тростинки, но веселые и сверхдовольные своим отдыхом.

Но не всегда все было идеально: в выборе отдыха мы часто были не единодушны. Мы любили отдыхать на людях: вместе поиграть в волейбол, позагорать, поплавать в озере, часто ездили в Мцхету, на озеро Лиси. Булат же предпочитал уединенные места.

Помню одну из неудавшихся поездок в Мцхету. Унылые, мы бредем по старому высохшему руслу Куры, поросшему клочками редкой травы и заваленному принесенными рекой сучьями и корягами. Я иду впереди, Галка с Булатом позади. Причина ссоры, вернее, взаимной обиды не помнится, но состояние разлада, невозможности что-то изменить, исправить ощущается до сих пор, как когда-то.

И как антипод: шаловливая, дурашливая возня, когда можно было закрутить Булату из его жестких волос рожки, что мы и проделывали с Галкой с большим удовольствием. Он изображал Сатира, демонстрируя свои далеко не классические мохнатые ноги. В его глазах, казалось, горел таинственный и опасный колдовской огонь. Брат после ванны взлетал на огромный деревянный ящик, служащий ему тахтой, распахивал импровизированный плащ — мохнатое полотенце — и в ответ на наш притворно возмущенный визг пел: «Сатана там правит бал». Это были моменты, когда ощущалось единение и родственность.

Булат не хотел жить в Грузии и на предварительном распределении на V курсе на вопрос, где хотел бы он работать, написал: в любом месте центральной России. В то время я считала, что надо ехать туда, куда пошлют, не отказываться от назначения, не ставить свои интересы выше всего. По этому поводу у нас были серьезные споры. Я была ортодоксом, как и отец. Долг для меня был прежде всего. Я и в комсомол вступила только на 4 курсе, считая, что недостаточно к этому готова. Жаль, что последние месяцы нашей жизни были омрачены этими разногласиями.

В 1950 году, после окончания университета, Булат и Галка уехали в Шамордино Калужской области работать учителями русского языка.

Я осталась в Тбилиси. Как я узнала позднее, отец сделал все, чтобы его романтическая, не знающая жизни дочка не попала в сельскую школу. Я стала работать учителем в женской средней школе № 3 г. Тбилиси.

Встретились мы Булатом только через четыре года. За это время произошло много событий: я вышла замуж и родила дочку. У Галки, после гибели во время родов дочки, 2 января 1954 года родился сын. Разница у наших детей была всего два с половиной месяца. Я рожала Леночку в Тбилиси, приехав из Керчи, где служил мой муж. Галка с мамой и двухмесячным Игорушей приехали из Калуги, куда к этому времени перевелся на работу Булат. Он работал сначала в школе, а потом в редакции газеты. Как память остался у меня альманах «Литературная Калуга», который Галка переслала мне и где была напечатана его поэма.

В Тбилиси я все приготовила к встрече малыша: все вымыла, выстирала, накрахмалила. На дверях брат повесил таблички: «Комната отдыха» и «Комната матери и ребенка».

Две армейские койки для мам, рядом с каждой попарно связанные канцелярские стулья для малышек, пеленальный столик и знаменитый ящик-тахта, накрытый ковром, — вот обстановка комнаты матери и ребенка. С детскими вещами было трудно, поэтому байковое одеяло — «приданое» мужа после окончания училища — разрезали пополам, и получилось два детских одеяла, в которых мы с сестрой выносили малышек на прогулку на руках (колясок тогда не было). К нам иногда присоединялся брат. Сохранилась фотография, где он сидит на скамейке, и на каждой руке у него по младенцу — два полосатых пакетика.

Мы с сестрой поочередно переболели маститом, и в это время здоровая мама кормила двоих, так что Лену и Игорушу можно считать еще молочными сестрой и братом.

Наши мужья занимались в это время своими делами далеко от нас, никаких тревожных писем мы им не писали. Просто не принято было у нас в семье жаловаться и стенать. Конечно, были и бессонные ночи, и усталость, порой и

раздражение, но не было ссор и обид. Отца с нами в это время не было (он учился под Москвой в Перхушково в течение года), и основная тяжесть по ведению хозяйства ложилась на маму. У брата была трудная обязанность — будить нас для ночного кормления, когда он поздно возвращался после института или засиживался за печатанием фотографий в кладовке-фотолаборатории. Это происходило очень часто, так что в конце концов стало его повседневной, вернее, ежедневной обязанностью. Зато наутро все стеклянные поверхности окон и дверей были заклеены свежими фотографиями наших малышей. Он всегда выбирал смешные моменты и непринужденные позы и остроумно подписывал фотографии.

Весной мама отвезла Галку и Игорушу в Калугу, затем вернулась в Тбилиси, и через несколько месяцев мы уехали все вместе в Москву к отцу, откуда я должна была ехать в Ленинград, так как туда был переведен из Германии мой свекор (военный инженер, генерал-майор Живописцев Николай Алексеевич) и туда же несколько позднее должен был приехать на спецклассы мой муж.

Очень хорошо поднимет поездка в Калугу и две недели жизни там. Это, как я теперь понимаю, было смелое и не совсем обдуманное решение, но тогда все казалось само собой разумеющимся: Галку и Игорушу я не видела почти полгода, а Булата с 1950 года. Мне интересно было поговорить с ними, посмотреть, как они живут. Калугу представляю сейчас как в смутном сне — то ли видела, то ли нет: невысокие дома, холмистые улицы, церковь, домик Циолковского, редакция, где работал к этому времени Булат. Лучше помнится широкая, привольная улица и за высоким забором крепкий одноэтажный дом, купленный хозяином, приехавшим из деревни. В этом доме небольшую комнатку, метров двенадцать, и снимал Булат. Условий для работы, можно сказать, никаких, так как рядом «в валенках /по-воробыному щебечет /такой неизмеримо маленький, /но очень нужный человечек». А за стеной раздается постоянно, как рефрен, в адрес подросткового хозяйского дитяти: «Как дам... Вот как дам... Ну, дам!.. Ну и дам!» «Дал бы один раз, чтобы потом все было тихо», — говорил Булат, возмущаясь, не в состоянии сосредоточиться и работать.

Лишней, как и прежде, я себя не почувствовала, хотя удивительно, как мы — трое взрослых и двое малышей — поместились в этой комнатке.

Видимо, всем нам было не до стихов, но, кажется, что там я прочитала отпечатанную на машинке поэму (это мое определение жанра и мое условное название «Белая медведица») о женской любви, ревности, о первых подозрениях. В ней я почувствовала что-то очень личное: «Белая медведица твоего беспокойства на задние лапы встает». Может, поэтому в печати я ее не видела, хотя все первые публикации и сборники стихов Галка или Булат, с посвящением мне или впоследствии мне и мужу вместе, обязательно присылали — знали, что, как для них, так и для нас, это была большая радость — наконец-то прорыв к читателю, работа по призванию, перспектива. Среди присланных книг были и «Тарусские страницы», и альманах № 2 с его автографом «Вот оно, наконец, наше запоздалое детище», и «Литературная Калуга», где помещена была поэма Булата «Весна в Октябре» о революции и Циолковском.

Следующая встреча с Булатом состоялась через год в Туапсе, куда был назначен мой муж после Ленинградских спецклассов. Он снял маленький домик на склоне горы. Летом съехалось все наше семейство, не было только моего мужа (его подводная лодка перебазировалась в Балаклаву). Мама, брат и Галка с Игорушей (они гостили у мамы) приехали из Тбилиси, отец из Свердловска, куда его назначили после Перхушкова. Булат приехал из Калуги. Итак, собрались все из разных концов.

Расположились мы таким образом: в комнате папа, мама и я с Леной — двупальная кровать, детская кроватка и раскладушка для меня; в зимней кухне самодельная тахта из панцирной сетки на чурбаках для Галки и Булата и связанные стулья для Игоруши, в прихожей топчан для брата. В домике всегда можно было укрыться от жары. Но время, в основном, старались проводить на море: купались, играли в мяч, загорали. Все были рады, что собрались вместе.

Какую-то горчинку ощутили мы, когда Булат попросил меня уступить ему раскладушку, чтобы устроиться на чердаке. Я сослалась на то, что ночью приходится вставать к дочке и мне надо спать рядом с ней. Сейчас я, конечно, понимаю, что ему нужно было уединение, возможность остаться с самим собой, чтобы работать. Но тогда стало обидно за Галку и «белая медведица моего беспокойства» заставила отказать Булату в его просьбе, о чем я сейчас жалею.

Вскоре к хозяйке приехали ее постоянные летние жильцы. Около летней плиты и во дворике стало шумно и тесновато. Может, поэтому Булат неожиданно решил отправиться с рыбаками в море. Вскоре море заштормило. Такого

шторма я никогда не видела. Валы вздымались, как горы, закручивались в ста метрах от обычной линии прибоя. Черные тучи, разорванные ветром, неслись над мрачными горами. Лил косой сильный дождь. После этого я хорошо понимала мужа, когда он говорил, что моряк — настоящая мужская профессия, и прощала грубость его любимой поговорки «море фраеров не любит».

Вернулся Булат дней через пять-семь, почерневший, похудевший, очень усталый. Стихов о море и этом походе я не помню, но в одном из стихотворений он описал маленький греческий дворик, мощный каменными плитами и укрытый от солнца виноградной лозой. Сохранились фотографии этого лета, сделанные братом; особенно интересны — ребячьи. Игоруша и Лена (им уже по два года) карабкаются по осыпающемуся склону горы, их смеющиеся мокрые мордашки, когда они, оседлав надувного крокодила, купаются в море.

В таком полном составе наша семья у меня больше не встречалась, место встречи со временем было перенесено в Москву.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

ЕВГЕНИЙ РЕЙН. Стихи	3
ВАЛЕРИЙ ПОПОВ. Пропадать, так с музой. <i>Рассказ</i>	5
ТАТЬЯНА ВОЛЬТСКАЯ. Стихи	14
БОРИС РОХЛИН. Невольная карьера одного римского гражданина. Призрение. <i>Рассказы</i>	18
ДМИТРИЙ ПРИТУЛА. Брамс, квартет № 3. Факел. <i>Рассказы</i>	25
ЭЛЛА КРЫЛОВА. Стихи	35
ЕЛЕНА ПОЛТОРЕЦКАЯ. Стихи	36

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

ИОСИФ БРОДСКИЙ. «Раб, пойди сюда, послужи мне!» <i>Перевод с английского Александра Сумеркина</i>	37
КЕЙС ВЕРХЕЙЛ. Вилла Бермонд. <i>Роман. Авторизованный перевод с голландского Ирины Михайловой</i>	42
ТОМАС ВЕНЦЛОВА. Стихи. <i>Перевод с литовского Владимира Гандельсмана</i>	78

ДИАЛОГИ

СОЛОМОН ВОЛКОВ. Разговоры с Иосифом Бродским. Детство и юность в Ленинграде. Аресты, психушки, суд	82
---	----

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ. Армейские письма к отцу. <i>Публикация, вступительная замечка и примечания Ксении Мечик-Бланк</i>	108
--	-----

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ

СЕРГЕЙ ВОЛЬФ. Вокруг да около автографа	142
---	-----

МЕМУАРЫ XX ВЕКА

И. В. ЖИВОПИСЦЕВА. Живые картины (<i>Из воспоминаний о Гале, Булате и о себе</i>)	151
МИХАИЛ БЕРГ. Тридцать лет спустя (<i>30-я, 10-6, выпуск 1969-го</i>)	162

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

С. Б. ФИЛИМОНОВ, Д. В. ОМЕЛЬЧУК. «Выслать из пределов РСФСР без права возвращения...» <i>Следственное дело отца Сергея Булгакова</i>	178
---	-----

ИЗ НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО

ЭДУАРД ШНЕЙДЕРМАН. Крути на воде (<i>Свидетели защиты на суде над Иосифом Бродским перед судом ЛО Союза писателей РСФСР</i>)	184
ИГОРЬ СМЕРНОВ. «Европейская». <i>Из истории нравов</i>	200

ЭССЕИСТИКА И КРИТИКА

ЛИЛЯ ПАНН. Горячее зеркало	207
АЛЕКСАНДР ГЕНИС. Петербургские школьники о Сергее Довлатове	217

ТАКАЯ ВОТ ИСТОРИЯ

Я. ГОРДИН. Вступление	222
«Как честный советский человек...» <i>Публикация и вступительная замечка Анны Розиной</i>	223
АНОНИМ. Черновая поэма. <i>Фрагменты</i>	225
ПАВЕЛ ИРИНИН. Четыре стихотворения	226
В. И. ВЕЛИКАНОВ. Отец и мать. <i>Глава из книги «Судьбы людские»</i>	228